

ЗВЁЗДОЧКА

У ВАС ВПЕРЕДИ УТРО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Вспоминая пионерские лагеря 70-80 годов нельзя обойти стороной тему спорта. Более того, эта тема была самой актуальной! А чем еще занять пацанву, как не физическими упражнениями?

Утром встал – зарядка! Позавтракал – сдача нормативов ГТО или олимпиада!

Пообедал – спать, а дальше, будьте любезны, игровые виды – футбол, волейбол. А потом еще и плавание! Даже после ужина спортивные площадки не оставались пустыми. Здесь уже для детей больше было шоу – играли вожатые с хоздвором! Но и пионерам тоже перепало – то за хоздвор выступить, то за вожатых порубиться!

Скажите, а кто ходил в лагере в поход, не пройдя турэстафету? Да, да! Разжигание костра с одной спички и пережигание нитки на скорость, установка палатки на время, переправа по бревну, перенос раненого, спортивное ориентирование, укладка рюкзака и много чего еще нежного и удивительного!

Наше поколение, спасибо наставникам, пользуется этими навыками до сих пор. Поэтому пойти в лес и переночевать там безо всего с одним ножом – да не проблема! Рыбу поймать в речушке с помощью трубы или острогой – да не вопрос! Сделать лук или трубку с плетательным дротиком – в одно мгновение! Ягоды, грибы, даже корешки растений – все перепробовано лично! А уж картошечку испечь в золе – да с превеликим нашим удовольствием!

Много чему научили нас в пионерском лагере, спасибо большое за это! Вот только не все удается передать младшим поколениям. А ведь в виртуальной реальности не спрятаться от дождя или снега, и без еды не выжить! А школы выживания, каким был для нас пионерский лагерь, теперь уже массово не используют. К сожалению.

Не раз и не два вспоминал я добрым словом приобретенные навыки выживания во время службы в армии. Оренбургская степь-матушка, ни деревца, ни кустика на тысячу верст до самой Астрахани. Пугачевщина, ссыльный край! А ветра! По центральной улице города люди шли за дома держась, чтоб не сдуло. Что уж говорить про ветер в степи?

Высадят в степь оцепление во время стрельб, и выживай часов 12 как хочешь! А, ты - молодец, что твой голубь сизокрылый, шалашик стромоздишь из подручного материала, да костерок в ямке, что б не видно, да водички в банке из-под тушонки согреешь – вот и жизнь!

Видел я, как истопник в караульном помещении себе самопал сделал из танкового маслопровода и полена, что на растопку шло. А что бы дробь сделать, лил в ведро с водой расплавленный свинец от аккумулятора. Так он из него косулю добыл! Конечно, этому в лагере не учили, но, как говорят, все сложилось на новом уровне.

Но, впрочем, о спорте!

Физруки в нашем лагере были разные – и спортивные, и не очень. Но рассказать хочу об одном. Звали его Володя Парамошин. Мелкий, легкий, в очках, еще и заикался... Любил я его бедром цепануть на футбольном поле. Эдакий малолетка килограмм на двадцать тяжелее физрука, откровенно хулиганил, нарываясь на конфликт. Или на волейбольной площадке

отвесить хлесткий удар в его сторону, пользуясь тем, что блока он все равно не поставит, и переброшенный за голову мяч не вытянет. В ответ Володя только кусал губы и бегал еще быстрее, прыгал еще выше, играл еще хитрее.

Признаюсь, не любил я его еще со времен, когда был он у меня вожатым в младших отрядах. Ни покуражиться, ни побалагурить! Единственное, что он любил, выйдя с отрядом в лес, когда ему на спине пионерский массаж делали. Я вызывался первым, поскольку можно было вполне легально от души пощипать, побить, поцарапать его совсем не богатырского вида спину. «Посадил дед репу. Прибежали зайцы...» - и вот такую и прочую ерунду мы наговаривали, что бы выместить вожатому все его «тихие часы», ночные построения, порядок в тумбочках. Он извивался, мычал, вскрикивал местами, когда уж массаж совсем походил на экзекуцию, но старался дотерпеть до конца.

Володя работал электриком. Согласитесь, это нездорово, когда одна сделанная ошибка может пустить по твоему телу 380 вольт? Может поэтому он стал хорошим физруком-методистом, награжденным многочисленными грамотами. Казалось, что у него на каждый день приходилось не менее 3-4 планов – всевозможные турниры, сдача ГТО, олимпиады, эстафеты, выход в другой лагерь на соревнование по...

Для некоторых вожатых Володя был просто спасеньем. Если не хотелось (или могло) придумать что-нибудь интересное, звали физрука, и отряд мгновенно был задействован целиком без остатка. Даже освобожденные от физкультуры, калеки и убогие становились заправскими судьями по всем видам спорта одновременно.

Постоянно тусуясь во всех отрядах сразу, склоняя

вожатых к участию в очередном турнире по шахматам или пинг-понгу, он вел достаточно уединенный образ жизни, закрытый от окружающих его белым «замком» - складом со спортивным инвентарем, где обычно жарилась картошка с грибами, хранились закрома Родины.

Насаженный на кулан спортивных мероприятий лагерь вздрогнул, когда Володя предстал на концерте вожатых «Волосатым Ухом», на празднике Нептуна «Кляузником». Еще удивительнее было, когда он прочел свои стихи, а потом запел на известный мотив свои собственные стихотворные сочинения.

Не обладая внешними данными Марлона Брандо или Алена Делона, Володя умел красиво ухаживать и искушать женщин. Это было продолжением его натуры, если хотите, его методического подхода к любому делу. Но прежде всего, была работа физрука и дети.

- Д-Дамаскин! Я т-тебе где сказал играть, в нападении? Т-т-так чего же ты в ворота встал? Прит-т-томился? Бегом в поле, и вратарские перчатки б-б-больше не трогай! – деловито распоряжался он на поле, пронося стопку свежестыранной спортивной формы из банно-прачечного комбината.

- С-с-сегодня в «Дружбу» идем играть, попробуй только гол не забить! Я вам устрою турпоход! Будет вам утро завтрашнего дня! – переводил он разговор на коммерческие рельсы, - Все с-с-сходят, кроме вашего отряда!

Озадаченный Андрюха Дамаскин, эмоциональный и невыдержанный, послушно снял перчатки, передав их товарищу по команде, и потрусил в центр поля. Внезапно, сделав спурт в сторону ворот, он поднял руку, показывая, что занял выгодное положение. Он умел много бегать и много забивать, но при этом бывал несдержан, за что товарищи иногда делали ему нахлобучку.

- Куда? Вот же я, открытый! Мне пас, мне! Не ви-

дишь что ли? Очки надень! – комментировал он свою активную жестикуляцию руками на все поле.

Сидящие на лавочках девочки, зная характер Андрухи, только похохатывали над ним, не столько оценивая игру, сколько выплески его эмоций.

- Мне, мне давай! – снова голосил он на все поле, смещаясь на край, и в который раз мяч к нему не долетал, - Раззявы!

Любил Володя и сам на спортивной площадке покуражиться, будь то футбол или волейбол.

Длинный вожатый Саша Федотов, извиваясь, словно питон Каа, превратил свое тело, а главным образом ноги, в сплошные непрерывно передвигающиеся кольца, меж которыми, словно ядрышко в орешке, вертелся футбольный мяч. Голова с крупными зубами, находящаяся значительно выше, смотрела на это волнообразное вращение сверху вниз, как на действие чужеродного тела.

- Наградил бог талантом – играть в футбол, а вот других не дал. Ну, так и за это спасибо – поговаривал он.

Любитель покуражиться с мячом, он чрезмерно увлекался, чем пользовался пронырливый Парамоня, отбирая мяч в подкате.

- Володь, ну что ты опять весь кайф мне обломал! – горячился Александр.

- А т-т-ты не з-з-заигрывайся! Вредно для здоровья! Будет тебе еще утро завтрашнего дня! – парировал Володя, убегая с мячом.

Или на волейбольной площадке, когда начальник лагеря Сергей Семенович Пильняк, закручивал свою убийственную подачу прогибом, Володя не ушел со своего места, пока не нашел способ как ее принять, а потом еще и глумился, забрасывая мяч ему, торопившемуся занять свое место на площадке, за спину.

- В п-п-поход пойдем в К-к-крюково! К м-м-музею Веры Волошиной! – сказал физрук, подойдя к вожатому, отбивающемуся от пионеров, разбиравших на веранде корпуса туристическую амуницию, - На ч-ч-четыре дня пойдем! Готовьтесь тщательней!

Дорогу до Крюково мы знали наизусть! Сначала по дороге до Щербаков. Потом через поле мимо Дзержинца и в лес на Ястребово. Далее через березовую аллею и места, где стояла барская усадьба до поваленной ели, по которой можно переправиться на другую сторону речушки, бегущей вдоль леса.

Здесь же стояла молочная ферма, на которой детишек в пионерских галстуках с удовольствием поили свеженадоенным молоком.

А там уж и до «лесной школы» недалеко, от которой через поле виднелся сосновый лес, красиво поднимающийся по крутому берегу над речкой. Особо выделялась на фоне леса одна сосна, изогнутый ствол которой вертикально вырывался из кустарника и, поднявшись метров на семь-восемь, плавно переходил в горизонтальное положение, образуя полочку метра в три-четыре, а затем снова, почти вертикально, устремлялся в небо. Эдакая красота отливала янтарем коры на солнце, и была видна почти за два километра.

Путь нашего отряда лежал вокруг поля по дороге чрез деревню, через мост на подъем в лес, где располагалась еще одна «лесная школа» на футбольном поле которой, в лесочке, нам и предстояло стать лагерем.

Знакомый маршрут не значит неинтересный.

В раннем детстве к нам на поляну у деревни Ястребово не смогла пробиться санитарная машина с питанием и инвентарем, так что мы вынуждены были вернуться вечером того же дня голодные и раздосадованные.

В другой раз разразилась жуткая гроза и нас в полночь эвакуировали обратно в лагерь на машине впопалку с матрацами, палатками и котелками.

В этот раз вожатый Толмачини, про которого ходили слухи, что он повязан с кем-то из «небесной канцелярии» ответственным за погоду, дал нам клятвенные заверения, что погода будет «чистый мед», без дождей и катаклизмов.

Игра игрой, но погода действительно была прекрасна, так что даже шагавший впереди Парамоня, будучи самым мелким даже среди пионеров, бодро нес свой рюкзак, деловито показывая своим видом, кто главный в походе.

Действия пионеров, отточенные до автоматизма на турэстафетах, позволили быстро разбить лагерь, поставить палатки, запалить костер, согреть воду для обеда.

Девчонки успели по крутой тропе спуститься к реке, нарвать цветов на лугу и украсить наши обиталища венками полевых цветов.

Мальчишки отправились на разведку – где рыбу половить, где искупаться.

Неожиданно прозвучал сигнал на обед – Парамоня ударил черпаком по алюминиевому котелку:

- Х-х-хорош ерундой заниматься! В-в-все на ужин! Будет вам еще утро завтрашнего дня!

Картошка с тушенкой, приготовленная на костре – что может быть вкуснее! И мы скребли алюминиевыми ложками по своим алюминиевым мискам, вычищая их дочиста.

Три дня разнузданной анархии вне основной территории пионерского лагеря, вдалеке от начальства и вожатых, «тихого часа» и сигнала «отбой» - это, скажу вам, настоящее счастье. И упускать хоть мгновение этого счастья, ни кто из нас не хотел.

- А что, Серега, не пойти ли посмотреть на сосну, что так смотрится с той стороны поля? – спросил я товарища, - Она где-то здесь должна быть, поблизости!

Сказано-сделано! И мы посемили по тропинке к речке, крутя головами, что бы не пропустить тот шедевр, что так сказочно играл янтарными отблесками под лучами полуденного солнца.

Искать пришлось недолго. Побродив по склону, мы вышли к заветной изогнутой сосне, как раз под ее горизонтальную часть, что была у нас над головами на значительной высоте.

- Знаешь, Жень, вот бы забраться на нее, и посидеть, свесив ножки, полюбоваться закатом над лесом, над полем, - мечтательно сказал Серега.

- А что мешает? Разведку провели, объект обнаружили, теперь жди повода его использовать! – ответил я, выбираясь из кустов на берег речки.

Меж тем начало смеркаться. Парамоня опять звал к костру для приема пищи. В походе кушается легко и с удовольствием. Помыв тарелки, мы плавно перешли к вечерним забавам, погоняв в «слона», в «пятнашки», в «третий лишний», и угнездившись поудобнее у костра, мешали песни с рассказами и мечтами.

- Слышишь, Жень,- потянул меня за рукав Серега, - Я знаю, как нам сосну использовать! Сейчас самое время!

Не тратя лишних слов, мы незаметно отползли от костра и направились в сторону реки.

- Полезли, - сказал Серега, подталкивая меня к сосне, - Нам как раз на тот самый изгиб надо!

- А шею не свернем? Темно кругом, да высота порядочная! – засомневался я.

- Не хочешь сам, так меня подсади! – парировал товарищ, пристраиваясь ко мне на плечи.

Короче говоря, через несколько минут мы с ним сидели на сосне, как хохлатки на насесте, любуясь неско-

шенным золотым хлебным полем, изгибом речушки, дальним лесом, откуда мы пришли, и круглым диском луны, напоминающим алюминиевый тазик, из которого Парамоня раскладывал такую вкусную картошку по нашим мискам.

Звуков из нашего лагеря, расположенного значительно выше за лесом слышно не было, и только крик ночной птицы за спиной, да одинокий писк комара над ухом нарушали эту сказочную тишину.

- Так что ты говорил об использовании? – обратился я к товарищу, - Зачем на сосну-то полезли?

- А ты сам не чувствуешь, что ли? Как там у ослика Иа – «входит- выходит... замечательно выходит». Картошечка готова эвакуироваться, и мы не будем ей мешать! – словно приговор произнес Серега, - Я все взял, так что не волнуйся. Внизу кусты, так что, не все ли равно, под какими из них останутся наши следы?

Действительно, товарищ мой продумал все заранее. И не только продумал, но и подвел меня к этому решению, вполне логичному и физиологически оправданному.

И вот две розовые попы, свесившись со ствола сосны, бомбардировали крутой склон, ведущий к реке с высоты нескольких метров, любясь замечательным видом, напоминающим картину Архипа Куинджи «Ночь над Днепром». Конечно, в голове, отключенной от школьной программы по литературе, в тот миг не могли всплыть слова великого Н.В.Гоголя из «Мертвых душ»: «Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. От изумленья у него захватывало в груди дух, и он только вскрикивал: «Господи, как здесь просторно!» Без конца, без пределов открывались пространства», - но чувство захлестнувшего душу восторга, безусловно, присутствовало в двух пацанах старшего пионерского возраста.

Поделив по-братски остатки бумажного рулона, завершив начатое, мальчишки молча спустились на землю.

Как-то неожиданно под ноги подвернулась тропинка, уводящая вверх к лагерю. Для одного дня эмоций было предостаточно и ребята, разойдясь по палаткам, мирно отошли ко сну.

- Будет вам еще утро завтрашнего дня! – всплыли в голове слова Парамони, и сознание провалилось в темноту.

Утро началось, словно на картине И.Шишкина «Утро в лесу» - четверо медведей ревели и махали лапами, словно оправдывались, что попадали с упавшего дерева, не сумев удержаться своими тяжелыми лапами с огромными когтями. Перед ними стоял не богатырского вида Парамоня с топором в руке и уговаривал успокоиться.

- Вам это даром не пройдет! Мы здесь каждый день ходим купаться, а вы всю дорогу загадили! – кричал самый большой медведь Михайло Иваныч.

- Мыслимое ли дело – не только на дорогу, но и до самой верхушки елок свои бумажки повесили. Вам что, Новый год отмечать вздумалось? – вопила Настасья Петровна.

- Даже я в новых сандалетах вляпался! – дополнил Мишутка, театрально вытирая ногу в коричневом сандалете о траву.

Ситуация обострялась. Медведи грозились привести всю свою стаю из деревни, что бы учинить судилище и выявить виновных. В противном случае, вся ответственность возлагалась на взрослых, которые признавались темнокожими и которым светил суд Линча в его алабамской версии.

- У-у-успокойтесь! – в сотый раз пытался вставить свое слово Парамоня, - Не-не-не надо так волноваться!

То ли отпугивая надоедливых комаров, то ли демонстрируя свою готовность использовать топор в руке в качестве оружия, физрук сохранял видимость спокойствия, и призывал медведей к тому же.

- В-в-вы спокойно идите домой, а через два часа, когда мы позавтракаем, приходите. Мы все уберем, во всем разберемся, а с вашими ребятами наши сыграют в футбол. А-а-а если вам что-то не понравится, мы сами уйдем с этого места. Будет вам утро завтрашнего дня!

Из палаток уже выбралось достаточно народа, чтобы численное превосходство стало очевидным. Подтянулись другие взрослые.

Медведи, понимая, что дальнейшее пребывание становится опасным, ретировались, обещая вернуться с подмогой.

- Я-я-я не спрашиваю, к-к-кто и когда умудрился нарядить елочки использованной т-т-туалетной бумагой, но пока готовится завтрак, что бы тропинка и подходы к ней были убраны, - сказал Парамоня, и всадил топор в пенек со всей силы, глядя как силуэты медведей растворяются в лесу.

Не сговариваясь, мы с Серегой побежали к тропинке. Украшение леса, изогнутая сосна, в своем горизонтальном варианте проходила как раз над тропинкой, а растущие слева и справа елочки, словно центральный пролет триумфальной арки императора Константина были украшены почти до самого верха нашими «конфетти» из туалетной бумаги.

Срезав пару кустов орешника, мы, наверное, около получаса занимались санацией и дефекацией территории, после чего искупались и позавтракали.

Появившиеся вскоре медведи действительно привели с собой изрядное количество народа, так что на футбольном поле играли полные составы команд. Парамоня вызвался судить матч.

Незадействованные в игре, активно болели за всех сразу. Отдельная группа произвела инспекционную проверку на месте и, оставшись удовлетворенной, присоединилась к болельщикам. Наши девчонки подарили полевые цветы всем участникам матча.

- А что, - спросил после матча, в котором удача улыбнулась нашей команде, большой медведь, закрывая физрука своим мощным телом, - Вы нашли тех, кто это сделал?

- А-а-а я и не искал! Кто сделал, тот и убрал – у нас так принято! – ответил физрук, пожимая ему лапу двумя руками сразу.

Следующее утро началось как и первое, только в этот раз нас атаковали коровы. Они были повсюду – между палаток, у костра, под навесом с продуктами. Они ходили и минировали лагерь своими плюшками. Местный пастух выгнал стадо прямо на наш лагерь. Может не знал о нашем пребывании, а может просто в отместку за проигранный вчерашний матч по футболу.

С коровами мы как-то справились, а вот уборка территории у нас в этот день затянулась.

- Знаешь, Жень, все же хорошо, что коровы не летают! – сказал мне Серега.

- И не лазают по деревьям! – согласился я.

Возвращение из похода всегда отмечается в лагере общим построением по тревоге и театрализованным входом походников на центральную линейку. Начальник похода рапортует о возвращении из похода, а участники разыгрывают юмористические сценки и поют куплеты или частушки о происшествиях.

В этот раз бездыханное тело Парамони, покоящееся в спальном мешке внесли на импровизированных носилках и положили на кафедру около флагштока. Началь-

нику лагеря объявили о безвременной кончине физрука, павшего в неравной битве с медведями на футбольном поле. Боевой топор, с лезвия которого капала кровь поверженных врагов, внесли и положили рядом.

Улыбающийся начальник лагеря, принявший условия общей игры, приказал внести подносы с «живой водой» для всех участников похода. Тут же со стороны столовой появились две женщины с подносами, на которых стояли кружки с компотом. А для павшего в славной битве физрука, он приказал принести целое ведро.

Стоящий рядом врач лагеря, недавно приобщившийся к работе в пионерском лагере, которого все называли за глаза Пилюлькиным, широко улыбался глядя на все это действо, поправляя белый халат, на кармане которого гордо красовалась натрафареченная надпись: «Клизматрон».

- Ну что, походнички, поправим ваши утраченные силы «живительной водицей»? – бодро произнес начальник лагеря, и тетеньки в белых халатах раздали нам по кружке компота.

- А что же будем делать с начальником похода? Пожалуй, кружкой нам его не оживить! – продолжал он общую игру, - А принесите-ка нам медвежью порцию! – хохотнул в микрофон начальник.

Тотчас кружковод с ведром полным воды прибежал на линейку и застыл в готовности действовать.

- Если медицина не возражает, то мы испытаем наше средство для воскрешения начальника похода, - и он показал говорящим жестом в сторону лежащего Парамони.

- Медицина не возражает! – отозвался Пилюлькин неожиданно высоким голосом, едва сдерживая улыбку.

Начальник лагеря, предвкушая, что народная забава «воскрешение из мертвых», примененная к физруку, позабавит пацанву на линейке, выразительно посмотрел на кружководу и махнул рукой.

Лить воду можно по-всякому. Можно выплеснуть содержимое одним движением из ведра. Мощный гидравлический удар направленный по касательной, в этом случае, может сдвинуть лежащего с места.

Можно имитировать «хляби небесные», направив воду не вниз, а вверх, как бы выбросив ее из ведра, предоставив собраться в облачко и обрушиться вниз одной волной. При этом воскрешаемого гидравлическая волна вдавит в землю, пытаясь расплющить.

Кружковод видимо не знал всех этих хитросплетений. Он подошел и начал лить воду прямо на лицо Парамони. Несильная, но уверенная струя методично была прямо в рот и нос физрука, отчего тот сначала начал отплевываться, отфыркиваться, а потом глотать воздух и захлебываться. Руки, спрятанные в спальный мешок, не позволяли ему освободиться или закрыться от воды.

Весь лагерь смеялся и веселился, наблюдая за происходящим, и только врач Пилюлькин, как-то изменился в лице и бросился на выручку Парамоне, харкающие звуки которого становились глуше и слабее.

Закрыв его своим телом от воды, которую с иезуитской улыбкой на лице продолжал лить кружковод, он громко крикнул:

- Достаточно! Лекарства нужно давать в меру! А то наш физрук от обилия «живой воды» утонуть может.

Начальник распустил лагерь работать по отрядным планам, походники пошли в душ и переодеваться, и только врач Пилюлькин, похлопывая Парамоню по спине, ждал на линейке, когда тот, наконец, окончательно оживет, продышится и сможет говорить.

Но, как говорится, кому суждено сгореть заживо, тот не утонет!

Когда у Володи врачи выявили тяжелое заболевание, он не отчаялся, а стал бороться с ним теми спосо-

бами, которые знал, а именно, физкультурой. Каждый день он проходил, пробегал, проезжал на лыжах, велосипеде не менее 100 км.

Не забывая свою профессию, он сделал разводку в своем доме на своем этаже по прогрессивной технологии, помог Анне с электрической проводкой на даче.

Когда вожатые собрались на первый слет в 2006 году на центральной линейке разрушенного лагеря «Звездочка», он приехал на него на велосипеде и всю ночь вспоминал лучшие годы, проведенные в лагере.

Скоро его не стало. В простеньком кафе в Красно-студенческом проезде собрались родные и друзья проводить его в последний путь. Пришло больше народа, чем предполагалось, поэтому «лагерные» расположились за отдельными столиками за свой счет. Общая атмосфера траура давила собравшихся.

Пропустив, не чокаясь по первой, вожатые настроили стоявший в кафе телевизор и запустили фильм, сделанный о Володе Парамошине, смонтированный из его фотографий, спетых арий в вожатских спектаклях, стихов и рассказов.

Память о человеке всегда концентрируется на его добрых делах и поступках, на веселых историях, смешных приключениях, поэтому за столами вожатых стало шумно. Не мог допустить всегда оптимистичный Парамоня, что б прощание с ним прошло уныло.

- Что вы себе позволяете? Здесь с человеком прощаются! – возмутились было родные и близкие на шумные проявления вожатых, но подойдя по ближе, попросили поставить фильм снова. Лица их расправились, на губах заиграли улыбки.

С экрана на них смотрел Володя. Закончилась его песня физрука, и прозвучали слова: «Я понимаю ваши трудности. Вчера у вас были танцы, а впереди утро завтрашнего дня...»